

АЛЕКСАНДР
МЕНЬ

БЫТЬ

ХРИСТИАНИНОМ

протоиерей
АЛЕКСАНДР МЕНЬ

БЫТЬ ХРИСТИАНИНОМ

Интервью и последняя лекция

Составитель Марк Макаров

ANNO DOMINI

1994

ББК 86.3

М 51

To be a Christian,
(An Interview and the Last Lecture),
by Fr. Alexander Menn,
in the original Russian.

2nd edition
(1st edition published in 1991
by Russian Apologetics Ministry
of Slavic Gospel Association,
Wheaton, IL, USA)

According to the
"Order of
World Help"
Ministry within
the project
"Moscow for Jesus"
Moscow 1994

По заказу Уорлд Хелп
Министры в рамках
проекта
"Москва для Иисуса"
Москва 1994.

Издание второе

0403000000 — 005

М ----- без объявл.

956(02) — 94

ISBN 5-85770-136-8

Л. Р. № 062211 от 03.02.93 г.

Сдано в набор 15.04.94. Подписано в печать 15.04.94.
Формат 70×108/32 Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч. изд. л. 1,8. Усл. печ. л. 1,4. Тираж 3 000 000 экз.
(1-й завод 1 — 1 000 000 экз.) Заказ № 4621

Издательство "Протестант" 123290, Москва,
Мукомольный проезд, д.1, корп.2

Отпечатано в полиграфической фирме
"Красный пролетарий"
103473, Москва, Краснопролетарская, 16

БЫТЬ ХРИСТИАНИНОМ

Интервью 29 июля 1990 г.

Марк Макаров: Отец Александр, вопрос, на который я иногда сам отвечаю, хочу от имени радиослушателей задать Вам: Нужно ли быть христианином? И если нужно, то зачем?

О. Александр Мень: Тут есть, пожалуй, один-единственный ответ. Он заключается в следующем: человек всегда стремится к Богу. Нормальное состояние человека — в той или иной степени быть связанным с Высшим, с Идеалом.

Даже когда этот идеал в сознании человека искажён, обеднён. Даже когда он превращён вообще во что-то светское.

И всё-таки эпоха сталинизма, маоцзедуизма и прочих «измов» — показала, что человек, у которого отнят Бог насильственно, — всё равно стремится к псевдо-Богу. Он заменяет истинную веру идолопоклонством, и всё равно инстинкт стремления к Богу сохраняется.

Но совсем иначе выглядит дело, когда мы ставим вопрос: А почему же христианство?

Священные книги?

В каждой религии есть священные книги, иногда очень высокого качества и высокого духовного полёта и поэтического свойства. Многие священные книги Востока — ну скажем, индийские: Махабхарата, Бхагаватгита как часть её, буддийские сутты — имеют богатое содержание и написаны великолепно. Что тогда ещё?

Искусство?

У нас сейчас часто восхищаются древнерусским искусством. Да, я сам очень его люблю, и оно для меня неотделимо от всей духовной культуры; но говоря объективно, если смотреть не пристрастно, как я, а со стороны, — то искусство древней Греции с её религией, искусство индийской духовности, все пагоды, все храмы... (А в мечетях разве нет своей прелести? Я был в Бухаре, смотрел на мечети — в них тоже голос Божий как-то запечатлён)... И если брать эстетические критерии, то — кто знает, это субъективно, может быть,

тогда религия Зевса и Афины будет лучшей... Есть много древних (и новых) прекрасных культовых сооружений, у всех религий, поэтому христианство не может сказать, что оно обладает здесь козырной картой. Тогда почему же христианство?

Нравственность?

Да, конечно. И я рад, что сегодня в нашем обществе признают высокие нравственные ценности христианства. Но было бы ложью и пропагандой утверждать, что за пределами христианства не существует нравственных ценностей. Это говорится либо в пылу полемики, либо от невежества.

Я не имею здесь возможности вам пересказать нравственные доктрины всех народов, но безусловно высокие этические идеи содержатся в писаниях стоиков, буддистов. Естественно, в Ветхом Завете (который, хотя и связан с христианством, но всё-таки дохристианская религия). Да, конечно, там есть и иные мотивы. Да, в Ветхом Завете есть суровость, которой, как утверждают у нас, нет в Новом. Но это тоже абберация сознания. Ибо Господь наш Иисус никогда не был сентиментален, и суровых обличений у него достаточно. Надо читать Евангелие только с помощью розовых очков, чтобы не слышать голос: «Горе вам, книжники и фарисеи!» или: «Отойдите от меня, проклятые, в огонь вечный!». Это же не сентиментально!

Конечно, у христианской этики есть свои особенности. Тем не менее, если б кто-то пришёл со стороны и начал сравнивать этику христианства и этику, скажем, стоицизма (Эпикура, Эпиктета, Сенеку — тех, кто жил почти в евангельскую эпоху), нашёл бы там очень много общего с Евангелием, хотя греческие философы ничего этого не читали.

Но в чём же дело тогда, почему христианство? Не остаться ли на позиции окончательного плюрализма религий? На позиции, согласно которой Бог открывается или познаётся в любой форме религии? И в таком случае исчезает (идея и вера в) абсолютность христианства.

Так вот. Мне кажется, ничто не доказывает абсолютность христианства, кроме одного: кроме Иисуса Христа. Ибо каждый

из учителей, создавших мировые религии, я уверен, говорит нам истину.

И давайте прислушаемся к ним. Будда говорит, что он достиг состояния абсолютной отрешённости после долгих и упорных упражнений. Мы можем ему верить? Можем, почему нет, это великий человек, он добился этого.

Греческие философы говорят о том, с каким трудом интеллект добирается до идеи Бога и духовного мира. Это истина.

Или Магомет, который говорил, что он ничтожно себя чувствовал перед Богом, что Бог ему взял и открылся, сам он перед Ним как муха. Можем мы верить? Да!

И вот среди них единственный, который говорит от своего лица как от лица Бога: «А Я говорю вам», или, по Иоанну: «Я и Отец одно». Никто из великих учителей мировой религиозной мысли никогда ничего подобного не говорил. Таким образом, единственный случай в истории, когда Бог открывает себя через конкретного человека в некоей абсолютной полноте, — это тот случай, который мы имеем в Евангелии.

Иисус, проповедующий мораль, — это исторический миф. За одно это не могли бы его распять.

Иисус, назвавший себя мессией? Ну, почему ж тогда не распяли Бар-Кохбу, который тоже называл себя мессией? И много было лже-мессий. Чем вызвал он такую любовь и такую ненависть? «Я есть дверь», — сказал он. Дверь в вечность. И мне кажется, что всё ценное в христианстве лишь потому ценно, что оно Христово. Если оно не Христово, оно в такой же степени принадлежит исламу или буддизму.

Всякая религия есть путь к Богу, догадка о Боге, приближение человека к Богу. Это вектор, устремлённый снизу вверх. А явление Христа — это ответ. Это вектор, идущий с неба к нам. С одной стороны — находящийся в рамках истории, с другой стороны ни на что не похожий.

Христианство потому уникально, что уникален Христос.

Теперь давайте подумаем о том слушателе, который сейчас находится на распутье: Ну хорошо, откуда я знаю, что Христос

действительно был тем, за кого себя выдавал? Откуда я знаю, что Библия говорит правду? Как мне разобраться в разных религиях? Что мне ответить родителям-атеистам или кришнаитам, которые на площади танцуют? Почему я должен приходить ко Христу? Только потому, что отец Александр, или Марк Макаров, или другие считают, что Библия говорит правду? Как мне проверить, правы ли они?

Ну, во-первых, для человека, который всё-таки имеет какие-то религиозные представления, ответ может быть тот же, что я уже сказал: надо верить всем. Если мы верим, что Магомету открылся Бог, — почему мы должны делать исключение для Основателя христианства и отвергать его свидетельства? Если мы верим, что Бог открывается, — он открывается всем по-разному. И я верю, что в каждом великом учителе Бог как-то действует, поэтому нет никакого основания сказать: «А вот Иисуса Христа мы отстраним». Нет. Они все правы — значит, прав и он, сказавший о себе: «Я и Отец одно».

Но если мы говорим о безрелигиозном сознании, то я отвечаю словами Писания. Вы прекрасно помните, что ответили апостолы Нафанаилу:

«Пойди и посмотри».

Это то, что надо увидеть, почувствовать. То, что надо пережить. Нельзя математически доказать красоту Девятой симфонии или какой-нибудь великой картины — скажем, рублёвской «Троицы». Её надо сначала увидеть, с ней надо осуществить внутреннюю встречу — и поэтому Христа надо искать и попытаться с Ним встретиться. И если этого не будет — никакая система доказательств не может быть здесь убедительной, она будет только, так сказать, схемой, мёртвой схемой. И верить во Христа надо не потому, что кто-то сказал, а потому, что это сказанное призывает тебя самого: узнать.

Вера — от слышания, говорит апостол. И вспомните, что было с самарянами, когда пришла женщина и сказала им: «Вот такой человек, мне всё предсказал». Они удивились, и когда пошли и послушали Иисуса сами, они сделали вывод: «Вот теперь-то мы уже сами это

поняли. Не то, что «Ты нам говорила», а мы поняли на собственном опыте».

Это — научный подход, сугубо научный. Дело в том, что наука без опыта далеко не может продвигаться. Вот и в данном случае опыт играет огромную роль. Здесь опыт внутренний, духовный. Это реальность, с которой человек должен встречаться. Если он хочет о ней судить, не пытаясь с ней встретиться, к ней прикоснуться, то эта попытка с негодными средствами. Увидеть Христа можно только сердцем. Научно (чисто, так сказать, внешним путём) можно узнать другие вещи: что он действительно существовал, какова была среда, которая его окружала. и так далее. Но это уже вопросы — важные, но для веры вторичные.

А как быть тем людям, которые настолько глубоко восприняли своё атеистическое воспитание (и таких людей немало), что слушают нас сейчас и думают: «Оно бы хорошо, если б всё было так, как вы говорите, но ведь всем же известно, что Бога нет».

Я думаю, что наоборот — всем известно совершенно противоположное. Именно (я с этого и начал) массовое идолопоклонство людей, у которых отняли Бога, доказывает (и это, кстати, ещё Мао Цзедун понял) — доказывает, что человек не может существовать без Бога.

Бог есть исходное начало для всего; потому что человек живёт в мире только потому, что верит в смысл этого мира. Ещё Альберт Эйнштейн говорил: человек, который не верит в смысл бытия, — не пригоден для жизни, вообще. Значит, любой атеист, который говорит, что он не верит в смысл бытия, на самом деле, в глубине души, в подсознании — он верит, и подменяет это разными другими этикетками.

Человек стремится к воде, потому что она ему нужна, — это объективно. Ему нужна пища — это объективно; и многое другое. Ничего вымышленного нет. Если человек стремится всегда видеть некий высший смысл бытия, и перед ним благоговеть, и с ним соотносить свою жизнь. то это значит, что эта потребность — не просто продукт какого-то болезненного состояния, а нормальное состояние человеческого рода.

И если человек сейчас оглянется назад, он увидит, что всегда, во все века, Бог в той или иной форме присутствовал. Я сейчас вдруг вспомнил основателя позитивизма Огюста Конта. Это был человек, который не агрессивно, но отрицал высшие ценности, и о Боге он говорил как о некоем Непознаваемом, о котором нельзя ничего говорить. Он умер стоя на коленях, перед алтарём. Но этим алтарём было кресло любимой женщины (умершей тоже). Это кресло он окружил почитанием и благоговением. Кстати, он (О. Конт) первый выдвинул идею храмов человечеству — гранд этр — великого существа человечества, которое надо почитать. Если просмотреть историю всех псевдорелигий, то мы увидим, сколь неискоренимо вот это чувство Высшего, необходимость его связи с человеком.

Ну, а другое — это свидетельства косвенные; в вашей литературе (*кивок в сторону полки, где стоят книги протестантских издательств*) об этом достаточно сказано, да и в нашей тоже что-то писалось на эту тему. Я приведу простой пример.

Если мы видим сейчас развал хозяйства в нашей стране, то это не результат стихийного бедствия, а результат того, что мыслящий, управляющий орган оказался не на высоте, не туда он вёл всю систему. Но как вы думаете: разве Вселенная не является более сложной системой, чем весь Советский Союз? Если Вселенная продолжает развитие и существует — значит её мыслящее начало, очевидно, работает более эффективно, чем наше руководство.

И в этом мы можем усмотреть или одно из так называемых «доказательств бытия Божия» — или просто аргумент в пользу того, что существует Высший разум.

Это свидетельство. «Доказательство» — само это слово очень туманное, оно полностью не правомерно: ничто не может быть доказано до конца. Настраивающие учёные знают, что в любой области, особенно в точных науках, — в конце концов всё идёт к аксиоматике: где-то начинается аксиома, которая не доказывается, а на ней строятся уже целые системы.

Поэтому, приводя в передачах так называемые классические доказательства бытия Божия или, как словари их называют, «ДББ», — я всё время оговариваюсь, что мы на Западе называем их аргументами в пользу существования Бога, но не доказательствами...

Следующий вопрос, который возникает у слушателей очень часто, — такой: «Как в вашем сознании уместается существование зла (и тут приводятся различные примеры, их можно долго приводить) — и существование Бога?»

Иначе говоря, как вы отвечаете на вопрос о так называемой «проблеме зла»?

Дело в том, что есть нравственное зло и есть физическое несовершенство мира — это немножко разные вещи.

Физическое несовершенство мира — результат того, что мир создается, что он не завершён, он не кончен. И мне очень нравятся слова немецкого поэта, романтика и мистика, Новалиса, что человек — это мессия природы.

Человек действительно занимает особое место в природе. И можно верить Библии, что он призван был осуществить особое духовное преобразование природы. И что вся тварь стонет и мучается, как говорит апостол, ожидая откровения сынов Божиих, т.е. нас, людей. Мы должны были повлиять на природу, но вместо этого мы её разрушали.

А почему же человек оказался в противлении Божественной воле и тем самым стал носителем зла? Полностью рационально это объяснить — это значит объяснить темную стихию и рационально обосновать её, оправдать её.

Само стремление к злу — это иррациональный порыв, рождённый в свободе. Я, конечно, не буду здесь приводить вам мысли великого русского философа Н. Бердяева о том, что свобода лежит по ту сторону божественности, что она вечна. Это непостижимая для нас вещь, но безусловно только одно: что если человек имел от Бога свободу, то он должен был получить и возможность восставать против Бога, идти по другому пути.

Если б человек был лишён возможности выбирать себе путь, его свобода была бы похожа на советские выборы (в прежний период), когда тебе давали одного кандидата и называли это «выборы». Если бы Бог дал человеку свободу и сказал, что вот тебе один путь, на другой ты не можешь (автоматически) попасть, то это была бы не свобода. Человек был бы подобен андроиду, роботу, имеющему жёсткую программу. Человек тогда не был бы образом и подобием Творца, он был бы игрушкой Творца.

Следовательно, Бог бросает своё подобие в мир, навстречу всем ветрам, чтоб человек созидал его и проявлял в нём очень многие свои дарования. А отсюда — высочайшее достоинство человека. Человек отвечает за свои поступки, поэтому он не должен ждать, что кто-то сверху будет каждый момент дёргать его за верёвку. Моисей говорит: «Вот Я полагаю пред тобой путь добра и зла, жизни и смерти. Избери жизнь». Избери добро. Ведь это — свобода, два пути.

И когда мне говорят, что вот — война, что же смотрел Бог?.. — друзья мои, он вовсе не «смотрел». Он уже давно предупреждал, к чему это всё приведёт. Если б люди открыли Священное писание, они увидели бы, к чему шло попрание человечности, бездуховность, материализм. Всему, что происходило (в Берлине и в Москве, скажем так), — результаты были Богом предуказаны. И когда всё случилось по Писанию (ведь всё случилось по Писанию!) — то говорят: Где же был Бог? Там же, где всегда. Он всегда предупреждал человека.

Другое дело — когда человек не несёт ответственности... Но не надо забывать, что человечество очень тесно связано между собой. Создан закон, который мы условно называем «законом солидарности».

Как можно передать своему сыну знание, твои черты лица, черты характера, веру? Только в силу закона солидарности: что люди связаны между собой и могут передавать эти вещи. Но раз канал существует, то мы должны к нему относиться ответственно, ибо он может передать и дурное. Скажем, человек, являющийся алкоголиком, может передать невинному ребёнку, в силу этого же закона, болезненную генетическую структуру. Это только накладывает на человека ответственность.

Это не детский сад, это жизнь, суровая жизнь... Страшный пример приводит Достоевский в «Братьях Карамазовых»: когда собак спустили на ребёнка... Но один мой друг писал мне из тюрьмы, размышляя на эту тему: что Бог там присутствовал. Он присутствовал — когда десятки взрослых крещёных людей, с крестами на груди, знавшие как-то закон Божий, не попытались защитить ребёнка, а спустили на него собак, по капризу, по прихоти человека. Значит, здесь был человеческий выбор, это не какая-то безумная стихия.

Отец Александр, многие люди, приходят сюда, привлечённые и Вашим личным обаянием, и образованностью Вашей — потому что Вы много знаете, много читали. И в этой связи мне вспоминается, что очень часто у меня спрашивают: «Как получить хорошее образование? В какие западные страны ехать, какие изучать языки?» В этих случаях я всегда думаю о Вас: вот человек никуда не выезжал и всё-таки стал одним из самых образованных людей в стране. Что Вы можете сказать: как получить хорошее образование человеку, живущему в Советском Союзе?

Ну, во-первых, я должен сразу отклонить такой эпитет. Я далеко не самый образованный; я так, на уровне грамотного. Люди, кончавшие старые академии, — были намного, намного образованнее, чем наше поколение: теологов или философов.

А как это было? — Господи, так надо *любить* вещь, предмет, проблему. В юности мы гонялись за книгами. Я школьником работал, ездил, чтоб заработать на книги и приобрести их. Я собирал библиотеку: когда был ещё в пятом классе, уже начал. Это был единственный способ. Действительно, я никуда не выезжал, а в духовной школе мне пришлось учиться уже после того, как я многие проблемы изучил самостоятельно. Так что это всё совершенно реально для человека.

Иначе говоря, когда Вас спрашивают: «Как получить образование?» — Вы бы сказали: «Читайте книги!»

Ну это, (*кивая головой*) как раньше. Самообразование — это великая штука. Свободная, прекрасная, интересная.

Наш разговор происходит в последнем десятилетии двадцатого века, когда многое меняется у нас на глазах. Когда слово «религия»

уже не пугает, а звучит в самых доброжелательных тонах. Много изменилось в отношении к религии, к верующим, ко Христу. Как нам, верующим, относиться к этим изменениям? Являются они искренним духовным массовым покаянием — или это мода, или что это?

Историки будущего лучше разберутся в этом. Меня это не интересует. Я не историк — а человек, живущий в истории.

И для меня вот эти изменения (которых я ожидал, естественно давно уже) — они есть только облегчение условий работы. Но — с возникновением некоторых новых проблем и трудностей.

Ещё покойный о. Сергей Желудков говорил: придёт время, дадут нам возможность говорить по радио, а мы не будем знать, что говорить. Так что тут ответственности гораздо больше.

Кроме того, есть разные искушения — вот такие полярные: крайний модернизм или крайний консерватизм. Это всё с разовой поляризацией сразу выявляется в такой более благоприятный момент. Труднее всего людям, которые находятся в центре. Я тоже себя считаю в центре. Это так же, как и в общественной жизни.

Потому, что подвергается нападкам с обеих сторон?

Совершенно верно. Но это нормально, я это воспринимаю как норму для себя.

И в этом смысле, наверное, мы с нашим евангельским мировоззрением находимся правее вашего...

Наверно, наверно.

В этом источник некоторых наших с Вами расхождений.

Наверно.

Я говорил моим слушателям много раз, что я не сторонник теории эволюции...

Да.

... и приводил аргументы (научные, в основном) другой точки зрения: научного креационизма. Вы, я знаю, теорию эволюции принимаете...

С религиозной точки зрения... Для меня это более религиозное, хотя и научное тоже. Но для меня религиозное мировоззрение как-то иначе не мыслится, чем в плане эволюции.

В подробности мы, вероятно, сегодня не будем углубляться...

Можно особую тему посвятить этому.

Сейчас я просто хочу подчеркнуть, что различия (даже довольно-таки серьёзные, мировоззренческие) не должны мешать и не мешают нам (в частности, нам с Вами) как христианам любить друг друга.

Да конечно, а потом — какие это различия, Господи, какое это имеет значение!

Способ, как творил Создатель,
Что считал Он боле кстати, —
Знать не может председатель
Комитета по печати.

— писал в своё время А.К. Толстой. В конце концов, это дело Бога, а человек может только исследовать: *так* был сотворён мир или так? Вера Христова стоит здесь неизменно. Она совершенно не зависит от того, какую концепцию мы примем: эволюционизм, или креационизм, или, наконец, среднее: творческую эволюцию, как у Бергсона, который является посредующим звеном между эволюционизмом или креационизмом.

Я, положим, не считаю это средним, для меня Бергсон тоже находится в эволюционном лагере.

Ну да. Ну, в общем есть эволюционизм такой плоский, есть творческий, но это всё вторично. Для веры, для моего отношения к Богу и ко Христу, для моего пребывания в мире — не имеет значения, как развивалась Вселенная. А вот для моего ума — это занятно, интересно, меня это увлекает, это связано с моими религиозными представлениями.

И для меня иной раз облако, птица, дерево — значат больше, чем иная картина на религиозную тему. Сама природа для меня есть икона высочайшего класса.

Вы имеете в виду то, что Павел пишет в Послании к римлянам: о способе «через рассматривание творений»?

Да, это просто мне было свойственно с очень ранних лет. Все эти мысли во мне жили еще до Второй мировой войны.

Перечислите, пожалуйста, вкратце некоторые свои работы: книги, статьи, темы, которыми вы занимались как богослов, как апологет христианства, и т.д.

Я должен отметить, что работая с людьми преимущественно как пастыр (или по-вашему пастор), я не позволял себе заниматься узко научным богословием, ибо считал, что такое богословие допустимо только в тех условиях, в которых найдутся читатели. У нас же люди в основном требуют хлеба, простой пищи, и я работаю в этой «пекарне». После меня, может быть, придут люди, которые будут готовить пирожные. Моя задача — делать хлеб. Вот.

У меня написана книжка о жизни Христа. Такое историческое евангельское повествование, без вымыслов и только на основании научных изысканий (текстуальных, археологических) и самого евангельского текста. Это живое повествование, оно издавалось трижды на Западе, отдельными главами у нас. Сейчас должно печататься у нас несколько вариантов. Называется «Сын Человеческий».

Потом книга о происхождении и сущности религии — два раза издавалась, отдельные главы в нашей прессе печатались: «Истоки религии».

Книга о греческой философии, об индийской; «На пороге Нового Завета»; книга о Библии.

А статей — много очень. Печатная моя продукция приближается, по-моему, к девяноста названиям, из которых уже не менее тридцати (если не больше) напечатаны в Советском Союзе, в последние годы.

Мне особенно хочется упомянуть «Библейский словарь», который Вы закончили.

Да, но я продолжаю над ним работать. Это словарь для начинающих библеистов. Потому что литература о Священном писании — это море, огромное море, в нём сориентироваться необычайно трудно, и я в процессе работы над этими темами собирал такой материал.

Это довольно разбросанный, трудно соединимый в одно материал, но — как-то Бог помог, и я надеюсь (хотя ужасаюсь этой работе ещё предстоящей), что это будет издано. Это две с половиной тысячи машинописных страниц; около тысячи фотографий, некоторые из

которых уникальные, и колоссальная библиография. Практически вся русская библиография за истекшие сто пятьдесят лет.

Ваша церковь находится в маленькой деревушке. Но известно, что к Вам стекается цвет московской интеллигенции. Вы могли бы назвать некоторых из тех людей, кто приходит сюда?

Я могу только сказать о покойниках. У меня уж такой принцип, что человек сам должен за себя свидетельствовать. Среди наших прихожан был и Александр Галич, и Надежда Яковлевна Мандельштам. Крестился у меня Юз Алешковский (правда, он жив, но для нас он...).

Он не будет возражать, судя по тому, что я о нём знаю...

Юз не будет... Ну и целый ряд других имён: Юдина Мария Вениаминовна, знаменитая пианистка. Но я к этому не стремлюсь, для меня все знаменитые. Мои бабушки тоже такие же люди, имеют такие же проблемы, те же грехи у всех.

Естественно, интеллигентные люди приходят ко мне потому, что мне легче понять их. Но у нас в Москве есть и другие священники, получившие высшее образование, интеллигентные — теперь уже. Так что я не являюсь каким-то монстром в этом смысле.

И напоследок: что бы Вы хотели сказать тем слушателям, кто настроился на нашу волну, как они думают, совершенно случайно?

Я бы хотел им сказать, что случайностей не бывает. Если голос Божий до вас донёсся через эту радиостанцию, значит, пришло время, и Он зовёт вас теперь.

От составителя

...Я поблагодарил отца Александра от имени радиослушателей, выключил магнитофон — и мы пошли фотографироваться...

Жить ему оставалось месяц с небольшим: он погиб от руки убийцы 9 сентября 1990 года.

Интервью прозвучало в эфире ещё позже, на следующий год. И вот теперь, откликаясь на просьбы слушателей: напечатать тексты передачи «Авиапочта», которую я еженедельно вёл уже несколько лет, — я составил эту брошюру. Текст печатается с мелкими поправками, неизбежными при передаче устной речи на бумаге.

Не так часто сводит нас жизнь с выдающимися людьми. Ещё реже — с людьми, которых горячо любишь с первой встречи. Именно таким был Александр Мень.

Разумеется, задолго до нашей встречи я знал его как автора прекрасных книг, читал их страницы по радио, черпал из них много полезного для «Авиапочты», восхищался его знаниями и смелостью, мечтал познакомиться с ним. Но не ожидал, что он окажется простым, весёлым, общительным человеком. И удивился, что при его-то загруженности он даёт всем свой домашний телефон.

Я благодарен Богу за те несколько часов, что мы провели вместе, а ещё больше — за огромное наследие, оставленное отцом Александром людям: книги, статьи, мысли, а главное — любовь: ко Христу и к ближнему.

Накануне гибели он прочитал в московском Доме техники на Волхонке свою последнюю лекцию. (Её текст впервые опубликован в «Литературной газете» 19 декабря 1990г., с мелкими, исправленными здесь, неточностями; потом и в других изданиях.) Куски из этой лекции я тоже читал по радио. В ней развиваются и поясняются некоторые из мыслей, высказанных о. Александром в нашем интервью.

ХРИСТИАНСТВО

Лекция 8 сентября 1990г.

...Итак, мы с вами идём к завершению нашего путешествия по эпохам, по кругам мирозерцаний. И мы подошли к вершине, к тому сверкающему горному леднику, в котором отражается солнце и который называется — христианством.

Конечно, христианство бросило вызов многим философским и религиозным системам. Но одновременно оно ответило на чаяния большинства из них. И самое сильное в христианской духовности — именно не отрицание, а утверждение, охват и полнота.

Если буддизм был пронизан страстным стремлением к избавлению от зла, стремлением к спасению (Будда говорил, что как воды морские пропитаны солью, так и его учение — дхарма — проникнуто идеей спасения), то эта жажда спасения, обетование спасения присущи и христианству, Новому Завету.

Если в исламе есть абсолютная преданность человека Богу, который является суверенным властелином космоса и человеческой судьбы, то это самое мы находим и в христианстве.

Если в китайском мирозерцании небо — Цянь — является чем-то ориентирующим человека в жизненных вещах, даже в мелочах, в различных оттенках традиций, то и это есть в христианстве.

Если брахманизм (современный индуизм) говорит нам о многообразных проявлениях Божественного, то и это есть в христианстве.

Если, наконец, пантеизм утверждает, что Бог во всём, что он, как некая таинственная сила, пронизывает каждую каплю, каждый атом мироздания, — то христианство и с этим согласно, хотя оно не ограничивает воздействие Бога только этим пантеистическим всеприсутствием.

Но мы бы ошиблись с вами, если бы считали, что христианство явилось как некая эклектика, которая просто собрала в себе все элементы предшествующих верований. В нём проявилась колоссальная сила чего-то нового. И это новое было не столько в доктрине,

сколько в прорыве *иной жизни* в эту нашу обыденную жизнь. Великие учителя человечества — авторы «Упанишад», Лао-цзы, Конфуций, Будда, Мохаммед, Сократ, Платон и другие — воспринимали истину как вершину горы, на которую они поднимаются с величайшим трудом.

И это справедливо. Потому что истина — не та вещь, которая даётся легко в руки, она действительно похожа на высокую гору, куда надо восходить: тяжело дыша, карабкаясь по уступам, порой оглядываясь назад, на пройденный путь, и чувствуя, что впереди ещё крутой подъём.

Я никогда не забуду замечательных слов, которые сказал простой гималайский горец, шерп по национальности, по имени Тэн-синг, который восходил на Эверест вместе с англичанином Хиллари. Он говорил, что к горам надо приближаться с *благоговением*. Так же — и к Богу. Действительно, горы требуют особого настроения душевного, чтобы понять их величие и красоту. Истина закрывается от тех людей, которые идут к ней без благоговения, без готовности идти вперёд, несмотря на опасности, пропасти и расселины.

Восхождение — такова история человечества.

Вы легко мне возразите: а сколько было ступеней, ведущих вниз? Да, конечно. И на первый взгляд, ступеней, ведущих вниз, больше. Людей, которые падали и катились вниз, в бездну, больше. Но для нас важно, что человек всё-таки поднимался в эти надоблачные вершины. И он тем и велик, человек, что он способен был подняться туда, где, как говорил Пушкин, «соседство Бога», в горы умственных и духовных созерцаний.

Человек имеет две родины, два отечества.

Одно отечество — это наша земля. И та точка земли, где ты родился и вырос.

А второе отечество — это тот сокровенный мир духа, который око не может увидеть и ухо не может услышать, но которому мы принадлежим по природе своей. Мы дети земли — и в то же время гости в этом мире.

Человек в своих религиозных исканиях бесконечно больше осуществляет свою высшую природу, чем когда он воюет, пашет, сеет, строит. И термиты строят, и обезьяны воюют по-своему (правда, не так ожесточённо, как люди). И муравьи сеют, есть у них такие виды. Но никто из живых существ, кроме человека, никогда не задумывался над смыслом бытия, никогда не поднимался выше природных физических потребностей. Ни одно живое существо, кроме человека, не способно пойти на риск — и даже на смертельный риск — во имя истины, во имя того, что нельзя взять в руки. И тысячи мучеников всех времён и народов являют собой уникальный феномен в истории всей нашей Солнечной системы.

Но когда мы обращаемся к Евангелию, мы попадаем в иной мир. Не в тот мир, который даёт нам картину волнующих поисков, *порыва* к небу, — а мы оказываемся перед тайной *ответа*.

Двадцать пять лет принц Гаутама, будущий Тадхагатта Будда, проводил в аскетических усилиях, чтобы достигнуть созерцания. Так же трудились — умственно, духовно и психофизически — йоги, философы, подвижники.

Но Иисус Христос приходит из простой деревни, где он вёл жизнь рядового человека. В нём всё было готово, он никуда не поднимался. Он, наоборот, *спускался* к людям.

Каждый великий мудрец сознавал своё неведение. Сократ говорил: «Я знаю, что я ничего не знаю». Величайшие святые всех времён и народов ощущали себя грешниками гораздо более остро, чем мы с вами, потому что они были ближе к свету, и каждое пятно на жизни и совести им было видней, чем в нашей серой жизни.

У Христа нет сознания греховности. И у него нет сознания того, что он чего-то достиг, — он приходит к людям, неся им то, что в нём самом есть изначально, от природы.

Я должен сразу обратить ваше внимание на то, что Иисус Христос не начал проповедовать «христианство», как некую концепцию. То, что он возвестил людям, он назвал «бесорá», по-гречески «*euangelion*», что значит «радостная весть», «радостное известие».

В чём же заключалось это радостное известие?

Человек имеет право не доверять мирозданию. Человек имеет право чувствовать себя в чужом и враждебном мире. Такие современные писатели, как Альбер Камю, Жан-Поль Сартр и другие часто говорили о страшной абсурдности бытия. Нас обступает нечто грозное, бесчеловечное, бессмысленное, абсурдное, и доверять ему невозможно. Холодный, мёртвый или мертвящий мир. Правда, я здесь оговорюсь: эти писатели, романисты, драматурги, философы выступали с позиции *атеистического мировоззрения* — экзистенциализм у Сартра и Камю — атеистический.

Они как-то не заметили одну вещь.

Когда они говорят, что мир абсурден, то есть бессмыслен, они это знают только потому, что в человека заложено противоположное понятие: *смысла*. Тот, кто не знает, что такое смысл, не чувствует, никогда не поймет, что такое абсурд. Он никогда не возмутится против абсурда, никогда не восстанет против него, он будет с ним жить как рыба в воде. Именно то, что человек восстаёт против абсурда, против бессмыслицы бытия, и говорит в пользу того, что этот смысл существует.

Древнее библейское провозвестие говорит нам о том, что мы можем совершить внутренний переворот и сказать бытию — да, довериться тому, что кажется страшным и грозным. И тогда через хаос, через абсурдность, через чудовищность жизни, как солнце через тучи, глянет око Божье. Бога, который имеет личность — и личность, отображённую в каждой человеческой личности. И контакт с ним возможен — как союз между *подобными* существами. Весь фокус человечества — это удивительная его аналогия с Тем, Кто создал мир.

Чарлз Дарвин говорил, что, хотя он воспринимает мир не механически, как процесс, — всё же, задумываясь над его сложностью, он не может понять: неужели слепая случайность смогла всё это породить, и не следует ли нам за всем этим видеть некий разум, в чём-то аналогичный нашему? (Можно к этому добавить: не просто аналогичный, но безмерно превосходящий наш разум.)

И в ветхозаветной библейской религии, о которой мы с вами говорили уже, возникло вот это понятие о вере-*довериш*.

Не вере как некоем теоретическом, философском или религиозном убеждении, а вере как акте *порыва* через мертвящую, абсурдную действительность, когда человек говорит Богу: да, я принимаю и внимаю. Так возник древний завет между Богом и человеком, древний союз.

Но, конечно, союз между примитивным, древним человеком и божественным не мог быть окончательным и совершенным. Это было воспитание человеческого рода, детство человеческого рода, потом юность... И в седьмом веке до нашей эры пророк Иеремия сказал: «Так говорит Господь. Я заключу с народом Новый Завет, «брит ха хадашá», новый союз, который будет не такой, как старый, как прежний. Он будет начертан в сердцах».

И вот — ночью свершается жертва...

Через семьсот лет после пророка Иеремии в маленькой комнате собираются двенадцать человек, и совершается жертва. Обычно жертва совершалась с употреблением крови. Кровь была символом жизни. А жизнь принадлежит только Богу. И вот члены собравшегося общества были окропляемы кровью жертвенного животного. Так было издавна у всех народов, вплоть до глубоко первобытных времён, до палеолита. И Моисей, когда заключал завет с народом Бога, окропил всех кровью жертвенного агнца.

А вот в эту ночь, о которой я говорю, которая произошла весной 30-го года первого столетия нашей эры, Иисус Назарянин в окружении двенадцати совершает обряд воспоминания о свободе, которую дарует Бог. И крови здесь нет, а есть чаша с вином и хлебом. И он разламывает этот хлеб и раздаёт всем и говорит: «Это моё тело». Как жертвенный агнец за людей. И он обносит чашу среди учеников и говорит: «Это Моя кровь, которую Я проливаю за вас, это Новый Завет в Моей крови».

Таким образом, в этой священной трапезе, о которой мы с вами говорили, когда касались литургии, Бог и человек соединяются уже не в реальной физической крови, но в символической крови земли, ибо виноградный сок, вино — это есть кровь земли, а хлеб — это есть плод земли, это природа, которая нас кормит, это Бог, который

отдаёт себя людям в жертву. И вот Иисус Назарянин совершает эту жертву.

И с того мгновения, с той священной ночи чаша не перестаёт возноситься и совершается евхаристия. Во всех направлениях христианства, во всех церквях и даже сектах, всюду этот знак присутствует.

Иногда говорят, что Христос возвестил новую мораль. Да, он сказал: «Заповедь новую даю вам — любите друг друга, как Я возлюбил вас».

И раньше существовала заповедь о любви, и слова «люби ближнего как самого себя» принадлежат Моисею. А Христос придал ей совершенно особое звучание — «как Я возлюбил вас», потому что ради любви к человечеству он остался с нами на грязной, кровавой и грешной земле — только чтобы быть с нами рядом. То есть его любовь стала любовью самоотдающей, и поэтому он говорит: «Кто хочет за мной идти, тот пусть отвергнет себя». То есть своей самости, — не своей личности, отнюдь, личность — святое, а своего ложного самоутверждения, самости. Отдаст себя, возьмёт свой крест, то есть своё служение, в страдании и в радости, — и тогда за мной идёт.

Христос призывает человека к осуществлению божественного идеала. Только близорукие люди могут воображать, что христианство уже было, что оно состоялось — в тринадцатом ли веке, в четвёртом ли веке или ещё когда-то. Оно сделало лишь первые, я бы сказал, робкие шаги в истории человеческого рода. Многие слова Христа нам до сих пор непостижимы, потому что мы ещё неандертальцы духа и нравственности, потому что евангельская стрела нацелена в вечность, потому что история христианства только начинается, и то, что было раньше, то, что мы сейчас исторически называем историей христианства, — это наполовину неумелые и неудачные попытки реализовать его.

Вы скажете: ну а как же — у нас были такие великие мастера, как неведомые иконописцы, Андрей Рублёв, и т. д.!

Да, конечно, были и великие святые. Это были предтечи. Они шли на фоне чёрного моря грязи, крови и слёз. Очевидно, это главное.

что хотел (а может, и не хотел, невольно так получилось) показать Тарковский в своём фильме «Андрей Рублёв». Вы подумаете, на каком фоне создалось это нежнейшее, фсерическое, божественное видение Троицы! То, что изображено в этом фильме, было правдой. Война, пытки, предательства, насилие, пожары, дикость. На этом фоне человек, не просвещённый Богом, мог создавать только «Капричос», какие создавал Гойя. А Рублёв создал божественное видение. Значит, он черпал это не из действительности, которая была вокруг него, а из духовного мира.

Христианство — не новая этика, а новая *жизнь*. Новая жизнь, которая приводит человека в непосредственное соприкосновение с Богом, — это новый союз, новый завет.

И в чём же тут тайна? Как понять — почему, как магнитом, человечество притягивает к личности Иисуса Христа, хотя он пришёл в мир уничтожённый, и не было в нём ни таинственности индийских мудрецов, ни поэтической экзотики восточной философии?

Всё, что он говорил, было просто, ясно. Даже примеры его притч были взяты из обыденной жизни.

Это тайна, которую он раскрывает в коротких словах, мы их слышим в Евангелии от Иоанна. Филипп говорит: «Покажи нам Отца, Отца всяческих». Тот, кого греки называли Архэ, Первоначало, где он? И Иисус отвечает — как не отвечал ни один философ на земле: «Столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Кто видел Меня, тот видел и Отца». Такие слова он говорил не раз, и многие люди поворачивались к нему спиной и в негодовании уходили, потому что это был всегда — вызов. Надо было понять особую тайну. Никогда Христос не формулировал эту тайну прямо. Он только спрашивал людей: «За кого Меня принимают? За пророка, за воскресшего Иоанна Крестителя? А вы?». «Ты Помáзанник, Царь, Мессия, Сын Бога живого». Здесь должен открыться какой-то внутренний опыт. И он это спрашивает до сих пор, спрашивает каждого, потому что это говорит Бог человеческими устами.

Иисус Христос — это человеческий лик Бесконечного. Неизъяснимого. Необъятного. Неисповедимого. Безымянного. И прав был Лао-

цзы, когда говорил, что имя, которое мы не произносим, и есть вечное имя. Да. Безымянного и Непостижимого. А тут он становится не только *называемый*, но даже называемый по имени, даже называемый *человеческим* именем. Тот, кто несёт вместе с нами тяготы жизни.

Вот в этом центр и ось христианства.

Когда мы от Евангелия переходим к Деяниям и Посланиям, мы должны обратить внимание на вторую личность Нового Завета. Как говорил один французский учёный, Новый Завет состоит из двух биографий: Иисуса Христа и его последователя Савла Тарсянина — апостола Павла.

Разумеется, любой из вас, переходя от Евангелия к посланиям Павла, будто попадает с неба на землю. Хотя Павел во многом превосходил евангелистов. Это был человек огромного таланта, духовной мощи, образования. Этот человек создавал личностные произведения. Его послания — это вещи, написанные кровью сердца. Но сравнить их всё равно с Евангелиями трудно. Потому что Евангелия отражают не столько литературный дар апостолов-евангелистов, сколько тот Образец, который они видели перед собой. И если апостол Павел перед нами — это только человек, то Христос есть откровение Божие.

Но чем важен для нас апостол Павел? Почему Церковь поставила его рядом с Христом в Новом Завете? Почему бóльшая часть посланий — четырнадцать — написаны от его имени? Почему в Деяниях апостольских его биография занимает львиную долю?

В том-то и дело, что апостол Павел, очевидно, никогда не видел лица Иисусова во время его земной жизни. Хотя есть исторические гипотезы, что они могли пересекаться в Иерусалиме. (Сам он родился в первых годах нашей эры в Малой Азии, но в Иерусалиме учился, тогда мог видеть Иисуса.) Но всё-таки достоверно будет считать, что он его не видел никогда.

Я думаю, что это-то и привлекает Церковь к его личности. Ибо мы — тоже не видели этого Лица. Но Христос явился Павлу с такой

достоверностью, которая значительно превосходит любое соприкосновение внешнее.

Внешне Христа видели и его враги, и книжники, и фарисеи, и Пилат. Но это не спасло их.

Павел тоже был врагом, но Христос его остановил на дороге в Дамаск и призвал стать апостолом. Это событие изменило не только его судьбу, но и судьбу всей ранней Церкви: потому что Павел стал одним из тех, кто понёс Евангелие из Сирии и Палестины по широкому миру. Его называли апостолом народов, или апостолом язычников.

Воспитанный в иудействе, он прекрасно знал ту истину, что с Богом слиться невозможно, что человек Востока, который думает, что он, переживая экстаз, уже слился с Абсолютом, — находится в заблуждении. Он лишь соприкасается этому, ибо в недрах Божества кипит вечный огонь, который всё растворяет в себе. Между Творцом и тварью лежит бездна — как между абсолютным и условным, её нельзя перепрыгнуть ни логически, ни бытийственно.

Но есть *мост*, который перекинут над этой бездной. И почувствовал этот мост сам Павел. Потому что он увидел Христа и внутренне с ним соединился, бесконечной любовью был к нему прикован: так, что ему казалось, что он носит раны Христовы на себе, что он с ним вместе на кресте умирал и с ним воскрес. Он так и говорит: «Уже не я живу, но живёт во мне Христос. Вместе с Ним я умер, и вместе с Ним я восстаю к жизни». Если с Богом нельзя слиться, то с Богочеловеком можно, ибо он принадлежит одновременно двум мирам: нашему и запредельному.

И на этом построен весь путь христианских мистиков, от Павла до сегодняшнего дня.

Путь к Отцу только через Сына.

«Аз есмь дверь», — говорит Христос. Я есть дверь, врата в небо.

Повторяя различные молитвы, христианские подвижники могут быть уподоблены восточным, индийским, которые повторяют разные мантры. Здесь есть сходство и параллель. Но одна из главных молитв

христианского подвижничества называется «Иисусовой молитвой», где повторяется постоянно имя родившегося, жившего на земле, распятого и воскресшего.

И вот эта христоцентричность главной христианской молитвы радикально отличает её от всех остальных медитаций и мантр, потому что здесь происходит встреча: не просто концентрация мысли, не просто сосредоточение, не просто погружение в некий океан или бездну-духовность, а встреча личности с Лицом Иисуса Христа, который стоит над миром и в мире.

Мне вспоминается стихотворение в прозе, написанное Тургеневым — когда он стоял в деревенском храме и вдруг почувствовал, что Христос стоит рядом. Повернувшись, он увидел обычного человека. И потом, когда отвернулся, он опять почувствовал, что Он здесь.

Это правда, оно так и есть. И Церковь Христова потому и существует и развивается, что Он стоит внутри неё.

Заметьте, что он не оставил христианству ни одной написанной строчки — как Платон, который оставил нам свои диалоги.

Он не оставил нам скрижалей, на которых начертан Закон, — как Моисей оставил скрижали.

Он не продиктовал Коран, как Мохаммед.

Он не образовал ордена, как сделал Гаутама Будда.

Но он сказал: «Я с вами остаюсь во все дни до скончания века». Когда они чувствовали, что расстанутся с ним, он произнёс слова вещие и вечные: «Я не оставляю вас сиротами, но приду к вам». И это продолжается и происходит сегодня.

Весь глубочайший опыт христианства строится только на этом, всё остальное — это как бы поверхностные слои. Во всём остальном христианство может становиться похожим на прочие религии.

Религии в мире есть часть культуры. Они вырастают вместе с порывом человеческого духа к вечности, к непреходящим ценностям. Здесь же — поток идёт *свыше*, с неба, и поэтому один из теологов нашего столетия имел право сказать: «Христианство — это не одна из религий, а *кризис всех религий*». Оно поднимается над всем, потому

что, как говорит нам апостол Павел, никто не спасается делами Закона, а только верой во Иисуса Христа.

В заключение — я должен эту ключевую фразу вам объяснить.

Что такое *дела Закона*? Это система религиозных обрядов, правил.

Нужны ли они? Да, нужны: как воспитательное средство. Они создаются людьми. Иногда по великим прозрениям, иногда просто в силу традиции, иногда по заблуждению.

Дела Закона... Иногда эти законы идут от откровения Божьего, как в Ветхом Завете. Но — для определённой фазы умственного и духовного развития.

А что значит — спастись? Это значит соединить свою эфемерную временную жизнь с бессмертием и Богом. Вот что такое спасение. Приобщение к Божественной жизни. Жажда этого приобщения живёт в нас, в каждом человеке. Она спрятана, скрыта, мы можем её куда-то внутрь затолкать, но она всё равно есть в человеке. Так вот апостол говорит, что Закон свят. Ветхозаветный Закон свят и благ, и Бог дал его, но приобщиться к жизни божественной можно только через веру в Иисуса Христа.

Опять-таки, что значит *вера в Иисуса Христа*? Вера в то, что жил такой человек на земле? Это не вера, а знание. Современники помнили, что он жил. Евангелисты оставили нам достоверные свидетельства. Историк сегодняшний нам скажет, что да, такой был. Попытки разных пропагандистов утверждать, что Христос — это миф, давно разрушены. Только в нашей стране, как в заповеднике всяких чудес, сохранилась эта концепция.

Что же это означает — в него верить? В то, что он пришёл из других миров? Это тоже правда, но это всё-таки теория.

И здесь мы должны вспомнить о той вере, которая декларирована в Ветхом Завете: доверие к бытию.

Ещё когда Авраам сказал Богу «да», — вернее, не сказал, а молча повиновался Его призыву, — вот тогда и родилась вера. На древнееврейском языке слово «вера» звучит как «эмуна́» — от слова

«аман», верность. «Вера» — понятие очень близкое к понятию «верность». Бог верен своему обещанию, человек верен Богу; слабый, грешный, он всё-таки верен Богу. Но Богу какому? Сокровенному, грозному, как мироздание, порой далёкому от человека, как океан.

Христос открывает иной вид Бога: через себя. Он не иначе называет Его, как «Отец». Иисус Христос почти никогда не произносит слово «Бог». Он всегда называет Его Отец. И в своей земной жизни он употребляет для этого такое слово, нежное и ласковое, которое дети употребляют на Востоке, обращаясь к отцу. Это непереводаемо, но это так. Христос открывает Бога как нашего небесного Отца, — и тем самым создаёт братьев и сестёр, ибо братья и сёстры возможны лишь когда у них есть общий отец.

И вот общий духовный Отец — это Бог. А открытость сердца вести Иисуса Христа — это и есть тайна Евангелия. Потому что любой из вас отлично знает, насколько человек запутан, слаб, насколько в нём свили гнёзда всевозможные комплексы и грехи.

И есть *сила*, которую Христос оставил на земле, которая выдаётся нам даром. Она по-русски так и называется — *благодать*. Благо, которое даётся даром. Не зарабатывается, а даром.

Да, мы должны прилагать усилия, да, мы должны бороться с грехом, да, мы должны стремиться к самосовершенствованию — помня, что сами себя за волосы вытащить мы не сможем. Это работа только лишь подготовительная.

Здесь коренное отличие христианства от йоги, которая думает, что человек может добраться до Бога и вломиться к Нему, так сказать, по собственному желанию. Христианство говорит: ты можешь *себя* усовершенствовать — но до Бога добраться невозможно, пока Он сам к тебе не придёт.

И вот *благодать* превосходит закон. Закон — это первая стадия религии, которая начинается у ребёнка. Вот это нельзя, это можно, какие-то правила, какие-то нормы. Нужно это? Да, конечно. Но потом приходит *благодать*: через внутренний опыт встречи с Богом. Это как любовь, это как ликование, это как победа, как музыка сфер.

Благодать — это новая жизнь. Апостол Павел говорил:

Вот спорят между собой люди. Одни — сторонники сохранения старинных, ветхозаветных обрядов. Другие (греки) — против этого. А ведь ни то ни другое не важно. А важно только: новое творение — и вера, действующая любовью.

Вот это и есть подлинное христианство. Всё остальное на нём — историческая обложка, рама, антураж; то, что связано с культурой.

Я вам говорю о самой сущности христовой веры.

Бесконечная ценность человеческой личности.

Победа света над смертью и тлением.

Новый завет, который возрастает, как дерево из маленького жёлудя. Новый завет, который сквашивает историю, как закваска теста.

И уже сегодня вот это Царство Божие тайно является среди людей: когда вы творите доброе, когда вы любите, когда вы созерцаете красоту, когда вы чувствуете полноту жизни — царство Божие уже коснулось вас.

Оно не только в далёком будущем, не только в футурологическом созерцании, оно существует здесь и теперь. Так учит нас Иисус Христос. Царство придёт, но оно уже пришло. Суд над миром будет, но он уже начался: «Ныне суд миру сему», — говорит Христос. Ныне — то есть тогда, когда он впервые провозгласил Евангелие.

И он ещё сказал: «А суд заключается в том, что свет пришёл в мир — а люди более возлюбили тьму».

Этот суд начался — во время его проповеди в Галилее, в Иерусалиме, на Голгофе, в Римской империи, в средневековой Европе и России, сегодня, в двадцатом веке, и в двадцать пятом веке, и во всей истории человечества.

Суд будет продолжаться, потому что это христианская история — это история, когда мир идёт рядом с Сыном Человеческим.

И если мы ещё раз зададим себе вопрос: в чём же заключается сущность христианства? — мы должны будем ответить: это **богочеловечество** — соединение ограниченного и временного человеческого духа с бесконечным Божественным.

Это освящение плоти, ибо с того момента, когда Сын Человеческий принял наши радости и страдания, наше созидание, нашу любовь, наш труд, — природа, мир, всё, в чём он находился, в чём он родился, как человек и богочеловек, — не отброшено, не унижено, а возведено на новую ступень, освящено.

В христианстве есть освящение мира, победа над злом, над тьмой, над грехом. Но это победа Бога. Она началась в ночь Воскресения, и она продолжается, пока стоит мир.

На этом я закончу, чтобы в следующий раз рассказать вам о том, как в конкретных христианских церквях эта тайна богочеловечества реализовалась.

Спасибо.

От составителя

Но «следующего раза» уже не было. Земной жизни отцу Александру оставалось несколько часов...

Убийство пастыря неизбежно наводит на богословские раздумья, ведь оно резко напоминает, что мы с вами живём в мире, где властвует грех, и что смерть ждёт каждого: хорошего человека и плохого, заурядного и великого, пишущего и читающего...

Почему до сих пор не нашли убийц? Кто виноват? — возмущаемся мы. Но когда убивают христианина (а отец Александр был прежде всего и превыше всего христианином), то уместнее звучит другой извечный российский вопрос:

Что делать? Как достойно продолжить его дело? Как стать христианином — таким, как он, или другим, но христианином? Что делать, чтобы достойно почтить память великого человека? Я не спрашивал отца Александра, но думаю, что он бы не желал себе лучшей памяти, чем — чтение той книги, которую он изучал всю жизнь.

Читайте Библию!

Времена, когда её трудно было достать, прошли. Российское библейское общество, у истоков которого стоял о. Александр, и другие издательства печатают Библию массовыми тиражами.

Если трудно осилить всю Библию — читайте хотя бы Евангелие, хоть одно из четырёх. (Начать можно с Луки или с Иоанна).

И по мере чтения вам начнёт становиться всё ясней и ясней, что в Библии, оказывается, есть ответы на самые главные вопросы, в том числе и на «Кто виноват?» и «Что делать?». Например, в книге Деяний апостолов вопрос так и звучит: «Что мне делать, чтобы спастись?» и тут же даётся ответ: «Веруй в Господа Иисуса Христа, и спасёшься...»

Но я верую! — воскликнет сегодня большинство читателей.

Да? Но так ли ты веруешь, как хочет Бог? Или как самому кажется правильным? Это ведь разные вещи!

А как узнать, что Бог от меня хочет? Где это написано?

Да всё там же, в Библии.

Библия — книга удивительная, во многом неожиданная.

Чтение её не только радует, но и огорчает.

Например, проповедника реинкарнации она разочарует чётким утверждением, что человеку «положено однажды умереть, а потом суд...».

Разочарует она и всякого, кто считает себя «приличным человеком»: «Нет праведного ни одного, — говорится в ней, — все согрешили и лишены славы Божией». И чем серьезнее углубляешься в эту книгу, тем меньше расхожих мифов остаётся в сознании читающего.

Оказывается, мало «веровать»: и бесы веруют, и трепещут. Оказывается, надо «всем повсюду покаяться», а чтобы увидеть Царство Божие — надо «родиться свыше».

Значит, прав был отец Александр, когда говорил: «Христианство — не новая этика, а новая жизнь». И если нам хочется жить старой, привычной жизнью, лишь «дополнив, обогатив» её христианством, вспоминать о Боге по праздникам и на похоронах, а остальное время жить своим умом — увы, Библия нам такой возможности не предоставляет.

Оказывается, для греха надо «умереть», а для новой жизни во Христе — «возродиться». И кто подумает, что это невозможно, будет совершенно прав. Предоставленные самим себе, мы не смогли бы покаяться и начать новую жизнь, да и вряд ли захотели бы. Но что невозможно человеку — возможно Богу. Именно Он примирил нас с Собой, и оправдал подвигом Христа, «в Котором мы имеем искупление Кровию Его и прощение грехов».

Это прощение и примирение Бог протягивает нам бесплатно. Нам остаётся только принять этот подарок, покайся и уверовав...

О прошлом, настоящем и будущем, о грехе и о любви, об искуплении и жертве, о жизни, смерти и бессмертии читаем мы на страницах Библии.

Евангелист Лука доносит до нас притчу Христа о блудном сыне. Подобно тому сыну, мы ушли из отчего дома своей дорогой и вот теперь не знаем, что делать: зашли в тупик, погрязли в безысходности.

Подобно отцу в этой притче, Бог любит, терпит и ждёт. Он-то примет всегда...

Покаемся ли мы?

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Российский фонд духовного возрождения,
носящий имя протоиерея о. А. Меня
совместно с издательством "Протестант"
и миссией "Всемирная помощь" США

представляют
в спорткомплексе "Олимпийский" 9 сентября 1994 г.
театрализованное представление
по книге о. А. Меня "Сын Человеческий"

ЕСЛИ ХОТИТЕ ЗНАТЬ ПРАВДУ

Начало представления: 9 сентября — в 18 час. 30 мин.
В программе: духовные песнопения, выступления детских ансамблей
воскресных школ, а также артистов московских драматических театров.
С приветственным словом к Вам обратятся:
священник о. Александр Борисов
известный проповедник из США Джери Фоулвелл

Билеты продаются в кассах спорткомплекса "Олимпийский"
(проезд: ст. м. "Проспект мира") и распространяются через заявки
АВЦ "Протестант" (тел. для справок 259-68-81).